

УДК 94(470.67-13=351.32):91.373

КАРАХАНОВ Савзихан Сейфулаевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства
e-mail: karakhanov65@mail.ru

KARAKHANOV Savzikhan Seyfulaevich,
Candidate for Doctorate in History, Associate Professor at the Chair of Humanities, Dagestan State Institute of National Economy
e-mail: karakhanov65@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В СЕЛЕНИЯХ
КОРЧАГСКОЙ ДОЛИНЫ ЮЖНОГО
ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

**ADVANCEMENT OF TRADE ROUND THE
SETTLEMENTS OF THE KORCHAGI VALLEY
OF THE SOUTHERN DAGESTAN IN THE XIX
AND THE EARLY XX CENTURIES.**

В статье на основе полевого этнографического материала, архивных, рукописных и опубликованных источников и литературы изучается развитие торговли и товарно-денежных отношений в хозяйственной культуре двух этносов – лезгин и горских евреев Корчагской долины. На фоне культурно-традиционных и прочих факторов прослеживается их взаимосвязь и взаимодействие с остальными лезгинами, табасаранцами и другими народами Дагестана и Азербайджана.

The paper "Advancement of trade round the settlements of the Korchagy Valley of the Southern Dagestan in the XIX and early XX centuries" explored (with the field data in ethnography, archive instruments, manuscripts and published sources and non-fiction) trade' growth and advancement of commodity-against-money dealings being reflected in economy management' habits of the two ethnic groups, namely the Lezgins and the highlander Jews settled in the Korchagy Valley. On the background of cultural traditions and other factors, their interrelation has been traced, as well as their interaction with the other Lezgins, the Tabassarans and peoples of Dagestan and Azerbaijan.

Ключевые слова: рынок, товарно-денежные отношения, купцы, торговые лавки, скупщики-оптовики, производство табака и марены, изделия народных промыслов.

Key words: market, commodity-against-money dealings, merchants, shops, wholesalers, tobacco and madder processing, handicraft articles.

Слабое экономическое развитие, полунатуральный тип хозяйства, незначительное развитие товарно-денежных отношений, бездорожье и неразвитость транспорта в прошлом обусловили слабое развитие торговли у лезгин Корчагской долины, но все же она стало занимать важное место в их хозяйстве.

В отношении возможностей реализации продуктов земледелия, скотоводства и ремесла, а также приобретения необходимых товаров и материалов население Корчагской долины находилось в выгодном положении. Невдалеке от них находился Касумкент, в полутора-двух днях пути к северо-западу – Дербент. На таком же примерно расстоянии к юго-западу находилась Ахты, совсем недалеко были расположены торговые центры Табасарана. Не более чем за два дня можно было попасть на рынки Азербайджана – Кусары, Куба и др. Это в основном были крупные рынки с большим оборотом товаров. В 30-х гг. XIX в. в Дербенте насчитывалось 420 лавок, принадлежащих 80 торговцам, в иные дни здесь собиралось более 900 продавцов различных товаров и материалов. Торговлей с другими городами занимались 25 Дербентских купцов. Примерно в этот же период выделкой шелковой материи, бязи, высококачественных изделий кузнечного ремесла в Дербенте занималось несколько десятков мастеров. Более 80 человек занималось «внутренними оборотами. Пятеро имели сношения с персидскими городами». Здесь реализовывались товары и материалы из Шемахи, Шеки, Ширвана [1].

Более чем за 100 лет до этого И.-Г. Гербер писал, что в Дербенте «обретается много купеческих людей из персианов, армян, грузинцев и индийцев» [2]. К началу XIX в. почти то же отмечает и П. Г. Бутков. В Дербенте, писал он, находились «многие персидские, индийские, армянские и грузинские купцы и художники» [3]. Надо полагать, что под «художниками» подразумевались мастера по художественному ремеслу. Только за 1854 г. морем в Россию и Персию через Дербент и Низовую пристань было вывезено товаров на 826 267 руб., «кроме разных фруктов, рыбы, винограда, вина, кож и т.д.» [4]. Роль Дербента как торгового центра особенно усиливается с установлением регулярного пароходного сообщения с Астраханью в 1858 г. [5].

Весьма значительным торговым центром было и сел. Ахты. В конце XIX – начале XX в. здесь находилось 110 торговых лавок, 16 из них мануфактурные. По данным на 1908 г. только постоянных торговцев здесь было 114 человек. Только за 1902 г. на ахтынском рынке было продано мелкого и крупного рогатого скота на сумму 110 500 руб., около 200 тыс. пудов зерна. Приезжие купцы из Закавказья, Северного Кавказа, России, Передней Азии здесь тоже были не редкостью [6].

Другие рынки Дагестана и Азербайджана, куда жители селений Корчагской долины могли вывозить излишки сельскохозяйственной или ремесленной продукции и приобретать нужные им материалы и товары, тоже характеризовались достаточной емкостью и оборотом. Однако в

целом непосредственный выход, выезд населения долины на рынки осуществлялся нечасто. Торгово-обменные операции осуществлялись ими преимущественно через посредство разъезжающих торговцев, чаще всего мелких, а также скупщиков-оптовиков, предлагавших взамен продукции местного производства привозные товары и материалы. Роль последних заметно усилилась с XIX в., особенно со второй его половины. Местные жители реализовывали хлеб, свежие и сушеные фрукты, масло, сыр, ковры и ковровые изделия. Приобретали железные, ювелирные изделия, медно-чеканные, мануфактуру, галантерею, ювелирные изделия и др. [7].

В обыденном сознании, на досужем уровне евреев, проживавших в селении Корчаг, принято считать (с точки зрения их традиционных занятий) торговцами, в массе своей мелкими, и ремесленниками по выделке кожи и сафьяна. Основная их масса, тем не менее, была занята в сельскохозяйственном производстве. Несмотря на то, что среди горских евреев встречались и купцы, и ремесленники, сельское хозяйство было основой традиционной экономики горских евреев, отмечает В. Дымшиц: «Даже в таких городах, как Куба или Дербент, большая часть еврейского населения занималась сельским хозяйством либо на пригородных землях, либо в качестве батраков в окрестных мусульманских селениях» [8].

И.Ш. Анисимов в конце XIX в. отмечал: «Нетрудно заметить, что главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; б) по обрабатывающему производству: в выделке сафьяна, кож из сырых шкур... и, наконец, в шелководстве...» [9].

Стремясь как-то обеспечить семейный достаток, горские евреи Корчагской долины какое-то время стали выращивать более дорогую техническую культуру – табак. Культура выращивалась и на их собственных участках, и на арендуемых. Табак, выращенный евреями, стал пользоваться спросом. «Табак горских евреев, – писал И.Ш. Анисимов, – хотя низшего сорта по семенам, выходит очень крепким и недурного качества, так что русский табак, если и бывает в этих местах, почти не употребляется» [10]. Выгодность табаководства поняли многие, к началу 90-х гг. XX в. цены на табак выросли, отводиться под эту культуру стали все новые и новые площади. Это не могло не привести к перепроизводству, и цена на табак резко упала [11].

К середине XIX в. Дагестан охватил «мареновый бум». Марена, из которой вырабатывался ценный краситель для текстильной промышленности, приносила крупные прибыли. Производство марены и вывоз ее из Дагестана росли невиданными темпами. Корчагские евреи тоже были подключены к ажиотажу вокруг марены: часть – как ее непосредственные производители, небольшая часть – как оптовые скупщики для перепродажи. Появление и широкое внедрение в текстильную промышленность дешевых анилиновых красителей привело к 80-м гг. XIX в. к резкому спаду мареноводства и к разорению десятков и сотен производителей, торговцев, предпринимателей [12]. После этого значительная часть еврейских хозяйств сел. Корчаг переориентировалась, вернее, вернулась к хорошо им известным формам хозяйства. «В этот период многие евреи Корчагской долины стали выращивать виноград, фрукты и др. В газетах тогда писали, что евреи весьма успешно занимаются виноградарством. Если мусульмане с десятины виноградника снимали тонну урожая, то у евреев урожайность достигала 17 тонн с той же десятины» [13].

Занимались евреи Корчагской долины и торговлей: примерно половина семей кормилась от торговли. Иначе говоря, в подавляющем большинстве торговля не играла значимой роли. И.Ш. Анисимов отмечает, в частности: «Общее количество торговцев выразится средним отношением в городах и аулах 14,5%, или по числу семейств – из 4 090 семейств 575 занимается торговлей. Из этого числа на настоящих купцов-капиталистов приходится лишь приблизительно 5%. Большая часть торговцев-евреев была "коробейниками", мелкими торговцами вразнос, которые в свободное от сельскохозяйственных работ время в узлах и коробах на спинах доставляли в ближние и дальние селения нитки, иголки, красители, куски тканей, платки и прочие. По данным на 1856 г., в Дербенте и окрестных селениях, куда входили и селения Корчагской долины с еврейским населением, 44% из 454 семей имели основной доход от торговли, 33% от ремесла и 23% от земледелия. Часть торговцев-евреев имела свои мелкие торговые лавки, с оборотом до 1 тыс. руб. По данным на 1886 г., евреи владели более 200 лавок, главным образом в сельской местности. По другим данным в этом же году у горских евреев зарегистрировано 115 крупных магазинов, 56 в сельской местности и 59 в городах» [14].

Внутренняя торговля в Корчагской долине осуществлялась на базарах местного значения в селениях Корчаг, Зизик, Нютюг и Экендиль. Здесь продавали и покупали соль, фрукты, изделия народных промыслов и т.д. Накануне революции лишь в крупных селениях Корчаг и Нютюг имелись лавки, торгующие мелочными, бакалейными и мануфактурными товарами [15]. Аналогичная торговля шла также у соседних табасаранцев [16] и у других народов Дагестана [17].

Увеличение торговой сети в селениях Корчагской долины посредством расширения системы государственной торговли относится ко времени утверждения советской власти. В последующие годы наблюдается значительное увеличение числа торговых предприятий, возрастает потребления населением различных нетрадиционных товаров. В настоящее время в каждом селе имеются магазины, реализующие товары повседневного спроса, развернута обширная сеть продовольственных, промышленных и хозяйственных магазинов, а также магазинов, торгующих товарами культурно-бытового назначения. Излишки овощей и фруктов, а также животноводческая продукция, получаемые крестьянами в своем личном хозяйстве, реализуются на рынках селений Касумкент, Ахты, а также в г. Дербент. Вследствие вымывания из торговли дешевых товаров, резкого удорожания их многие крестьянские семьи оказались в крайне тяжелом положении.

Таким образом, как это видно из представленного материала, торговля имела большое значение в хозяйственных занятиях населения Корчагской долины – лезгин и горских евреев. Торговля вносила большой вклад в систему жизнеобеспечения указанных этносов. Основным предметом торговли была продукция сельского хозяйства, для реализации которой лезгины и горские евреи выезжали, как на внутренние рынки сбыта, так и на базары местного, регионального и областного значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Обзорение российских владений за Кавказом. 1828–1836 гг. – СПб., Ч. 4.
2. – С. 180–181.
3. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728. // ИГЭД. – С. 86.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. – СПб., 1869. Ч. 2. – С. 28.
5. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 8. Д. 198, л.12.
6. История Дагестана: в 4-х томах. Т. 2. – С. 36.
7. ЦГА РД. Ф. 79. Оп. 3. Д. 5, л.23, 24.
8. Полевой материал. Инф. У. Меликова, 1921 г.р., сел. Корчаг.
9. Горские евреи: История, этнография, культура. – С. 99–100.
10. Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сб. материалов, издаваемых при Дашковском этнографическом музее. – М., 1988. Вып. 3. – С. 194.
11. Анисимов И.Ш. Указ соч. – С. 205.
12. Горские евреи: Указ соч. – С. 109.
13. Рамазанов Х.Х. Мареноводство в Дагестане в XIX веке. – Махачкала, 1970. Вып. 2. – С. 72–91.
14. Горские евреи: Указ соч. – С. 113.
15. Там же. – С. 116.
16. История Дагестана: Указ соч. – С. 37.
17. Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX – начале XX в. –Махачкала, 2008. – С. 54.
18. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 57.

REFERENCES

1. Obozrenie rossijskich vladenij za Kavkazom. 1828–1836 gg. *SPb.*, Ch. 4.
2. p. 180–181.
3. Gerber I.G. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morja. 1728. *IGJeD*. p. 86. (in Russ.).
4. Butkov P.G. Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g. – *SPb.*, 1869. Ch. 2. p. 28. (in Russ.).
5. CGA RD. F. 126. Op. 8. D. 198, l.12.
6. Istorija Dagestana: v 4-h tomah. T. 2. p. 36. (in Russ.).
7. CGA RD. F. 79. Op. 3. D. 5, l.23, 24.
8. Polevoj material. Inf. U. Melikova, 1921 g.r., sel. Korchag. (in Russ.).
9. Gorskie evrei: Istorija, jetnografija, kul'tura. p. 99–100.
10. Anisimov I.Sh. Kavkazskie evrei-gorcy . *Sb. materialov, izdavaemyh pri Dashkovskom jetnograficheskom muzee. Moscow* .1988. Vyp. 3. p. 194.
11. Anisimov I.Sh. Ukaz soch. p. 205.
12. Gorskie evrei: Ukaz soch. p. 109.
13. Ramazanov H.H. Marenovodstvo v Dagestane v XIX veke. *Mahachkala*, 1970. Vyp. 2. p. 72–91.
14. Gorskie evrei: Ukaz soch. p. 113.
15. Tam zhe. p. 116.
16. Istorija Dagestana: Ukaz soch. p. 37.
17. Seferbekov R.I. Byt i kul'tura tabasarancev v XIX – nachale XX v. *Mahachkala*, 2008. p. 54.
18. Gadzhieva S.Sh., Osmanov M.O., Pashaeva A.G. Material'naja kul'tura dargincev. *Mahachkala*, 1967. p. 57.

УДК 9. 94

КУМПАН Вадим Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры новой,
новейшей истории и международных отношений
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия
e-mail: vadim_kumpan@mail.ru

KUMPAN Vadim Aleksandrovich,
Candidate for Doctorate in History, Assistant Professor at
the Chair of Modern and Contemporary History and
International Relations, Kuban (Region) State University.
Krasnodar, Russia
e-mail: vadim_kumpan@mail.ru

**НАРОДЫ КАВКАЗА НА ЗАЩИТЕ
ПРАВОПОРЯДКА И РОССИИ: ГОРСКАЯ
ВРЕМЕННАЯ МИЛИЦИЯ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

**PEOPLES (ETHNIC COMMUNITIES) OF THE
CAUCASUS INVOLVED IN ENFORCING RULE
OF LAW AND SECURING BORDERS OF
RUSSIA: INTERIM HIGHLANDER MILITIA (the
end of XIX to early XX centuries)**

Исследовано участие народов Кавказа в развитии системы охраны правопорядка в милицмейских формированиях в конце XIX – начале XX в. Дана сравнительная характеристика различных подходов к охране правопорядка. Проведен анализ источников, на основе которого даны характеристики роли народов Кавказа в охране правопорядка и защите России в рамках милицмейских формирований.

The paper observed the part taken by the peoples of the Caucasus in evolving the framework capable of enforcing law and order with militia detachments, at the end of XIX and the early XX centuries. The study presented a comparative description of various approaches to arranging enforcement of law and order. A review of data sources has been carried out, namely those put on the grounds of featuring the part the ethnic communities of the Caucasus had taken in enforcing rule of law and in securing the Russian domain with involvement of militia detachments.

Ключевые слова: охрана правопорядка, народы Кавказа, органы внутренних дел.

Key words: enforcing rule of law, peoples of the Caucasus, law-enforcement bodies.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта №14-11-23015.

The publication is prepared within the scientific project No. 14-11-23015 supported by the Russian humanitarian scientific fund.

Создание системы защиты государственности внутри страны и на международной арене – одна из важнейших политических целей. Военные меры – один из главных методов ее достижения. Зачастую военизированные структуры формировались по милиционному (территориальному) принципу, всеобщая воинская повинность – достаточно относительно недавнее изобретение, если не вести речь о кочевых и охотничьих сообществах.

Временная горская милиция – пример воинских формирований, которые создавались в случае необходимости, защищали внутренний правопорядок, Россию в ходе международных конфликтов, а затем, как отмечалось в документах, «распускалась с почестями по миновании необходимости».

В годы Кавказской войны противодействие России оказывало не все местное население. Существовали так называемые «мирные» горцы, то есть принесшие присягу империи, из числа которых формировались отряды временной милиции. В отдельных регионах Кавказа они ориентировались на поддержание внутреннего порядка, в других – становились серьезными участниками военных внешнеполитических акций [1].

Царская администрация и после 1864 г. продолжала использовать в исключительных случаях эти отряды. Довольствие горцам выплачивалось наравне с казаками [2]. Например, 2 сентября 1864 г. формируется взвод добровольцев для военных действий против «непокорного племени хакучей». Сразу же после умиротворения последних взвод был расформирован [3]. В состав отряда входило 22 человека. Но трудно установить как характер их деятельности, так и степень ее успешности.

Отряды временной милиции действовали при начальниках горских округов до 31 декабря 1864 г., а затем были распущены [4]. Здесь выразилось общее стремление российской бюрократии замещать экстраординарные, временные структуры постоянными.

В августе 1866 г. принимается решение создать, «полагая о благоразумии и преданности правительству горского населения Кубанской области», отряд из добровольцев для выполнения военно-полицейских функций в Абхазии. Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами подполковник Дукмасов отдает распоряжение окружным начальникам о сборе «охотников» (добровольцев). Они же должны были решать и все организационные вопросы, связанные с комплектацией отрядов, такие как определение штатов, величины довольствия и т.д. Все неясности устранялись в ходе службы отряда. Так, необходимое продоволь-

ствие, боеприпасы отпускались из казачьих полковых запасов [5].

Было установлено, что содержание всадникам выделяется только в том случае, если они состоят на службе временно, а не в штате какого-либо учреждения или формирования. Предполагалось, что каждый из пяти горских округов выставит сотню милиции. Отряд жителей Эльбрусского округа существовал с 6 по 9 августа в составе 4 офицеров и 31 всадника. В составе сотни с 12 по 21 число этого же месяца было уже 47 нижних чинов. В Лабинском округе в состав формирования вошли 5 старейшин и около 100 всадников, служба которых продолжалась с 12 августа по 9 сентября. Финансирование производилось из расчета 75 копеек в день всадникам и 1 рубль старшинам, призванным на службу временно.

Любопытно, что начальник Урупского округа даже не предлагал горцам вступать в милицию. Он был убежден, что, во-первых, не найдется достаточного количества добровольцев, а, во-вторых, выделение «охотников» «повоевать» нанесет серьезный удар по построению «правильного» гражданского устройства и уже проявившейся склонности горцев к созидательному труду. Последнее, кстати, и определит отсутствие желающих служить [6].

Областная администрация видела во временной милиции две положительные стороны – конструктивное русло для выхода воинственного настроения кавказцев и дешевую мобильную военную силу, максимально приспособленную к местным условиям. Финансирование производилось из поступлений от сборов с аульных обществ. В деловой документации они проходили отдельной строкой, но, находясь в руках начальника Кубанской области, могли использоваться на более насущные хозяйственные нужды, например ремонт мостов [7].

Кроме внешних правоохранительных целей отряды горской временной милиции создавались и для решения неотложных задач внутри самой Кубанской области. Например, серьезной проблемой для начальства была борьба с абречеством и желанием горцев выйти из «укромных» мест, особенно в первые пять лет после покорения Северо-Западного Кавказа. Отдельные горцы и специально созданные небольшие отряды отправлялись в горы, где они могли уговорить сородичей покориться и «выйти». В случае успеха они выполняли и частично конвойные функции [8].

В штабе Кавказского военного округа тщательно исследовался вопрос о горских временно-милиционных формированиях. Запрашивались подробные сведения о племенном составе адыгов Кубанской области, их числе, размещении, сословном составе и т.п. [9].

Результатом явилось создание в 1875 г. сотни временной милиции из горцев Екатеринодарского уезда (область к этому времени была переведена на гражданское положение, а население военно-народных округов причислено к уездам). Деньги на это нововведение собирались в аульных обществах по 3 руб. со двора. Но уже в 1876 г. казначейство выделяет дополнительно на «нештатную милицию» 682 руб. Общее число всадников в этом подразделении равнялось 80, из которых 27 были из состава Кубанской постоянной милиции. На содержание остальных было собрано 9 028 руб. Затем было решено, что деньги собираться не будут, но каждый из горцев будет служить 2–3 дня в год. Данная временная милиция действовала на правах постоянной. Ее обязанностями было: 1) наблюдение за сохранением тишины и спокойствия в аулах; 2) предупреждение грабежей; 3) охрана безопасности на дорогах; 3) борьба с шайками разбойников и иные охранно-полицейские действия «по потребности» [10].

Вот один из примеров деятельности разъезда временной милиции, созданного 20 октября 1893 г. для поимки бежавших из армавирской тюрьмы преступников. Отряд, состоявший из 10 человек, осуществлял патрулирование аулов и дорог. Их служба упрощалась тем, что горцы не могли покидать места своего проживания без письменного разрешения и вида на ношение оружия, если таковое имелось.

Пожалуй, наиболее широко части временной горской милиции были применены во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 9 марта 1877 г. в Кубанской области из «беспокойных элементов горского населения» был сформирован конный полк. Создание этого подразделения преследовало две цели: 1) оказание помощи в установлении правопорядка в регионе и 2) направление потенциально асоциальных элементов за пределы области для деятельности, соответствующей их склонностям. Этим же целям служило увеличение числа всадников, состоящих во временной горской милиции, находящейся в уездах области.

Идея создания Горского полка временной милиции принадлежала бывшему верхнекубанскому приставу, подполковнику в отставке Аглинцеву. Он предложил составить его на тех же основаниях, что и отряды, существовавшие в годы Кавказской войны. Место дислокации – Абхазия.

Состоять полк должен был из добровольцев, которым с момента комплектации начислялось бы содержание, выдавались продукты, порох и свинец. Оружие, одежда, лошади – «охотников». Задачи этого соединения: «угонять скот, разорять аулы», чтобы заставить абхазцев оттянуть часть своих сил для защиты своего достояния. Особенная ценность этого полка,

по мнению Аглинцева, заключалась в его мобильности, отсутствии обоза, недостатки же – слабая вооруженности и организованность – не давали возможности использовать его в регулярных боевых действиях. Обращение Аглинцева было поддержано баталпашинским уездным начальником [11]. И с разрешения Главнокомандующего Кавказской армией с 16 июля было начато осуществление этой идеи. В составе Марухского отряда началось формирование одной сотни из карачаевцев. Было разрешено набрать еще несколько подобных по контингенту подразделений. Определялся следующий штат: 3 офицера, 4 урядника и 120 всадников. Юнкерам полагалось жалование по 240 руб. в год, урядникам – 210, а всадникам – по 120 руб. Остальное довольствие было наравне с регулярными войсками [12]. Позднее были созданы две сотни, одна из которых начала службу с 26 июля и имела в своем составе 126 человек под командованием подпоручика С. Мекерова, а другая, состоявшая из 127 человек под командой поручика К. Бадракова, – 11 августа.

В составе войск в Абхазии находился и подполковник Аглинцев, координировавший действия горских отрядов. Ему было отказано в жаловании, так как он находился в отставке и, соответственно, получал пенсию в виде награждения, но было выдано 600 рублей. Хотя, по отзыву Наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Бабыча, «к награждению должно представлять более достойных лиц, нежели упомянутый офицер» [13].

Горская временная милиция создавалась из кавказцев, желающих служить в ее рядах. В зависимости от их числа варьировалась и величина отрядов. Функции, которые выполняли вышеуказанные отряды, можно охарактеризовать как военно-полицейские. Внутри области они патрулировали дороги, боролись с разбойничьими отрядами, охраняли спокойствие людей. Вне пределов области эти отряды подавляли различные выступления против правительства. Источником финансирования частично были налоги, собираемые с горцев, а частично – казенные средства. Создание отрядов горской милиции как экстраординарная мера преследовало две цели: 1) укрепление правопорядка в пределах региона и 2) введение личностей, склонных к асоциальным действиям, в сферу правоохранительную. Обе эти цели, как правило, достигались.

Подтверждением ценности горской милиции может служить то, что проводилось широкое награждение горцев, выступавших в составе конно-иррегулярных эскадронов и милицеских частей в округах на стороне правительственных войск, поддерживали правопорядок. По ведомости 1867 г., «за службу на Кавказе» было представлено к награждению крестами 5 446 человек [14]. Служба во временной милиции для многих горцев Кавказа стала первым шагом в весьма успешной карьере: «милиции и постоянные национальные части по замыслу правительства должны были служить средством интеграции кавказской элиты в общеимперское пространство, а также местом воспитания кадров для администрации этого региона» [15].

Логичным продолжением временной горской милиции как формы военной службы для кавказцев становится формирование Кавказской туземной конной дивизии (дикий). Здесь не следует абсолютизировать, как это делает А. Безугольный: «Временная милиция использовалась исключительно на театре Кавказской войны» [16]. Временные милицеские формирования из представителей местных народов в разных видах использовались и продолжают применяться в настоящее время. Позитивным примером является привлечение казаков, представителей местных народов к патрулированию совместно с полицейскими улиц в Краснодарском крае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Филиппсон Г.Н. Кавказская война // Альманах Стрижамент. – Ставрополь, 1991. Вып. 1. – С. 439; Мальцев В. Н. Создание горских иррегулярных частей на Северном Кавказе и в Дагестане на завершающем этапе Кавказской войны: политические, военные и социальные аспекты // Казачество и народы России: пути сотрудничества и службы России: материалы заочной научно-практической конференции. – Краснодар, 2008. – С. 111–123. Шигабудинов Д.М. Дагестанские отряды горской милиции на русской службе в 1817–1864 гг. [электронный ресурс] // <http://history.milportal.ru/2014/01/dagestanskije-otryady/> (Дата обращения 28.09.2014).
2. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 34. 1859. Ст. 34570.
3. ГАКК Ф. 254. Оп. 2. Д. 195. Л. 36, 78.
4. Там же. Ф. 774.оп. 1. Д. 1. Л. 144.
5. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 33.
6. Там же. Л. 4.
7. ГАКК Ф. 396. Оп. 1. Д. 1645. Л. 29–45.
8. РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 202. Л. 2.
9. ГАКК Ф. 396. Оп. 1. Д. 1354. Л. 1.
10. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1645. Л. 2–5.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2087. Л. 5–6.
12. Там же. Л. 2–9.

13. Там же. Л. 20–32.
14. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 20. Л. 7-8.
15. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. – Нальчик, 2006; *Прокудин К.А.* Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в российской империи (XIX век). Автореф. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2013. *Батчаев Ш.М.* Участие представителей Карачая в Кавказской войне // Известия Карачаевского НИИ. Вып. VI. – Черкесск. – С. 5.
16. *Безугольный А.* «Дикая дивизия». Горцы на фронтах Первой мировой войны и в революционных событиях 1917 г. [электронный ресурс] // <http://www.kavkazoved.info/news/2014/01/03/dikaya-divizia-gorcy-na-frontah-pervoj-mirovoj-vojny-i-v-revoljucionnyh-sobytyjah-1917-g..html> (Дата обращения 28.09.2014); *Батчаев Ш.М.* Карачаевцы в войнах России (2-я пол. XIX – начало XX вв.). – Нальчик, 2009.